

Живая легенда песенной сцены

Непринужденно, задушевно под аккомпанемент гитары лились старые и новые, овеянные легкой грустью песни о любви, о жизни, о смысле бытия...

И вот в заключение звучит новая песня «Совесть, благородство и достоинство», после которой исполнитель произносит: «Я не люблю советовать, но вам советую — в любых ситуациях оставаться людьми».

Концерт окончен, и Булат Шалвович, пересев за стол, начинает отвечать на вопросы. Их было много.

— Как понравилась чешская публика и с каким чувством смотрели на себя в кино?

— Публика понравилась, любая публика, которая приходит меня слушать, — хорошая публика.

На себя смотрел с отвращением, я себе надоел. В Москве два года не выступал и не хочется.

— В зале много людей, которые знают вас не один десяток лет, помнят, как вас не пускали в эфир. Та обстановка вдохновляла на творчество и вдохновляет ли нынешняя ситуация?

— Все, кто запрещал, у себя дома меня слушали, но считали, что народу мои песни не нужны.

Вдохновение не зависит от обстановки. Вдохновением похвастаться не могу, за плечами много лет, фантазия не та, но творчество продолжаю, а оценят его уже потом.

— Что из того, что вы просите в «Молитве», попросили бы сейчас для России?

— Ничего. «Молитву» писал, когда тяжело болела жена, находилась в больнице. Я не пишу для кого-то, а пишу потому что.

Я не был революционером, не был диссидентом. Запрет возник потому, что мои песни свалились на голову режима, а с ними коммунизм не построишь.

— Есть ли будущее у авторской песни?

— Как-то я сказал, что авторская песня умерла, но поняли меня неправильно. Имелось в виду, что авторская песня родилась на московской кухне, а когда стала постепенно выходить на эстраду, то стала уже не той.

Думаю, что время выдвигает новое качество авторской песни, все зависит от таланта. Многие поют под гитару, но это вторично. Талант же встречается редко, как вот М. Щербаков, хорошего всегда бывает мало. Может, он и станет провозвестником нового качества авторской песни.

Известность ко мне пришла не потому, что я одарен, того требовало время, и я в нем оказался.

— Многим дороги шестидесятники...

— О них я думаю как о небольшом слое одаренных людей, но это же не знак качества. Были и у них ошибки. Надо понимать, что они тоже считали тот режим вечным, старались его очеловечить. Смешно и преступно выливать на них помой. Делают это в основном неудачники. Такое было и раньше в нашей истории. Люди серьезные, чего-то достигшие в жизни, делать этого не станут. Лучшее останется и будет существовать.

— Как член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, что можете сказать о террористах и применении высшей меры наказания?

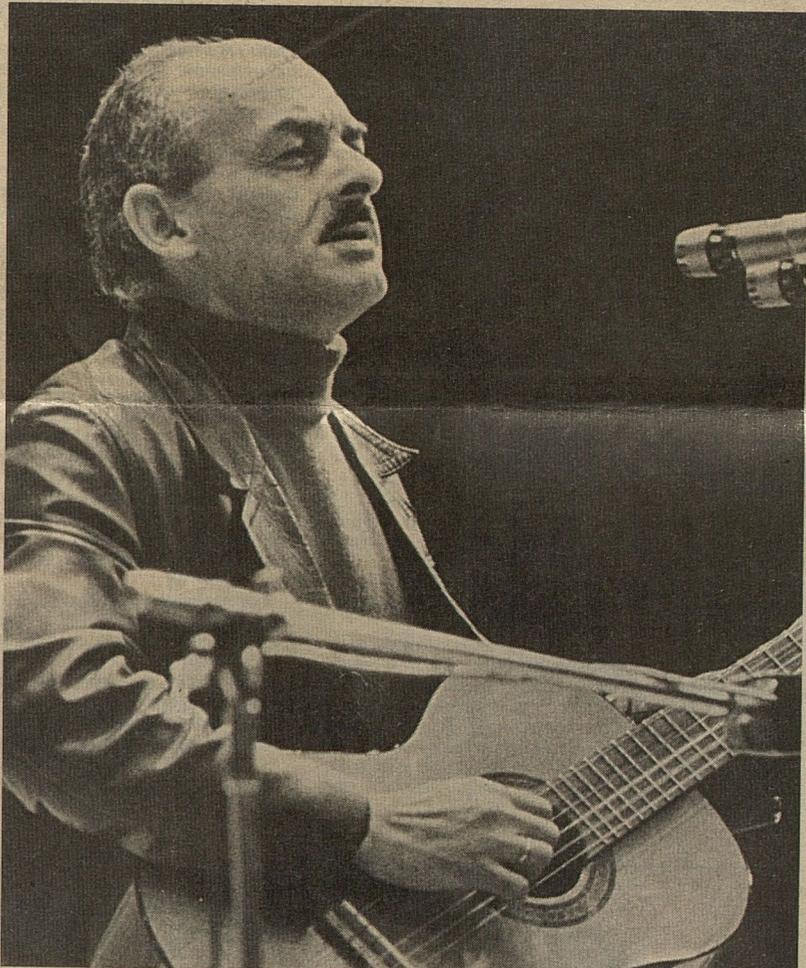
Обиженных много, талантливых мало

Булат Окуджава: размышления вслух

Живой легендой российской песенной сцены — так уважительно нарекли Булата Окуджаву организаторы вечера, состоявшегося в Чешском центре в Москве.

Появился Булат Шалвович здесь не случайно. Собравшимся показали документальный фильм, снятый в Брно, где в «Театре Гусь на веревочке» с переездом выступал со своими песнями... кто?

«Я не композитор, не гитарист, не артист, — говорит с экрана Б. Окуджава и шутит, — такие же слова я произнес со сцены в одном провинциальном российском городе. Из зала вопрос: тогда зачем приехал?»

— В комиссии не было ни одного случая, связанного с террористами. В основном рассматриваем дела людей, отбывших половину срока, а также приговоренных судом к смерти. Если бы мы были убеждены, что людей надо убивать, то не добивались бы от президента закона о пожизненном заключении. Конечно, речь не идет о таких случаях, как Чикатило или, скажем, районном прокуроре, создавшем банда, которая убивала людей, грабила.

Когда же убийство происходит по пьянке, а это 99 процентов случаев, то, конечно, мы против применения высшей меры.

К слову, средства массовой информации много пишут о преступлениях, поимке преступников, но нет судебной хроники, и люди думают, что преступников ловят, а потом выпускают.

— Чем занимаетесь, что собираетесь делать?

— Твердо могу сказать, что не знаю,

что буду делать. Конечно, продолжаю писать, ибо ничего другого делать не умею, разве что мыть посуду.

— Ваше отношение к событиям в Чечне?

— Я не политик, но если бы был начальником, то приказал бы выйти оттуда, но прежде встать на колени и замолить свои грехи.

Чечня никогда не присоединялась к России добровольно. Сейчас там устроили бойню, а их, чеченцев, всего 600 — 700 тысяч человек. Они защищают свою территорию, свои обычаи. У них это в генах, они помнят все, что происходило за два столетия.

...Лет 30 назад возвращался я из Восточного Берлина. Со мной ехал немец, прекрасно владеющий русским языком. Разговорились. Оказалось, оба мы участники войны, только сражались на разных сторонах.

«А здорово вы нам дали», — слышу от полутчика и иду на маленькую хитрость: «Да, — говорю, — это так, но мы не всегда честно воевали. Когда армия против армии — одно дело, но у нас же еще и партизаны...»

«Да они же просто бандиты!» Так и у нас сейчас. Как только нам где-то не везет, значит, противники — бандиты.

— Бытует мнение, что мы не знаем всю правду о Великой Отечественной войне.

— Постепенно будем узнавать, если правду не задушит гласность. Что такое фашизм? Тоталитарный режим, подавление личности... А у нас не то же самое было? Разница лишь в том, что у них бесноватый Гитлер, а у нас гениальный Сталин, у них свастика, а у нас Серп и Молот, а по сути одно и то же.

Правда будет постепенно выходить наружу.

— Читаете ли современную прозу, стихи?

— Не могу сказать, что я хорошо знаком с современной литературой. И особенно когда пишу сам — мне это мешает. В перерывах между творчеством читаю, но ничто меня не потрясло.

В годы гражданской войны А. Ахматову издавали тиражом 100 экземпляров на плохой бумаге. Это еще не говорит о качестве поэзии.

— Какова судьба «Апреля»?

— Сейчас он потерял свое значение. Раньше ведь Союз писателей состоял из 10 000 человек, а настоящих писателей было 300 — 400. Остальные становились ими по заданию ЦК, кого от сохи привлекали, кого от станка. Помню, приезжает в Москву токарь. К нему приставили двух писателей, журналистов. Написали, издали книгу. Спрашиваю: какие планы? «Да вот, — говорит, — поеду с делегацией в Индию, напишу роман».

А тут перестройка. Издательства сами стали решать, что издавать. Писать он не умеет, вот и винит всех подряд. Обиженных много, талантливых мало.

Записал Николай БЕЛОУСОВ

Примечание: желающих получить автограф у Булата Шалвовича было столько, что он просто не имел возможности изложить пожелания читателям газеты, ограничился автографом.

4.5.96.

Окуджава Булат

19